

Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущение?

А. Ю. Колянов✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉kolianov@gmail.com

Введение. В статье анализируются стратегии формирования европейской идентичности. Автор исследует, как идентичность осмыслялась в политической науке через историю развития понятий «нация» и «общность». Конструктивистская интерпретация нации как «воображаемой общности» и понимание идентичности как непосредственного целостного понимания себя в качестве уникальной единицы национально-политической культуры в отношении к остальному миру ложатся сегодня в основу политического направления европейской интеграции.

Методология и источники. При проведении исследования использованы сравнительно-исторический метод, анализ источников (официальных документов, научных и публицистических текстов), дискурс-анализ, а также данные социологических опросов.

Результаты и обсуждение. Политические кризисы последних двух десятилетий показали, что доминировавшие в прошлом веке теории европейской интеграции, сосредоточенные на экономических аспектах, не всегда в состоянии дать адекватные ответы на политические вызовы современности, что подчас ставит конструкцию объединенной Европы в шаткое положение. Вопрос, что делает Европу общей, остается открытым и не менее, а, возможно, и более актуальным, чем прежде. Политическая сущность единой Европы остается абстрактной и не до конца понимается европейцами как субъективная составляющая индивидуальной политической культуры. В настоящей работе предпринята попытка проследить трансформацию запроса на политическую идентичность. Перспективным для социокультурного становления европейской идентичности и формирования коллективного самоощущения является ориентир на совещательную деятельность населения и элит для определения вектора политической интеграции. Конструктивистский подход в данном направлении позволяет делать позитивные прогнозы для отношений ЕС и России.

Заключение. Очевидность идеологического запроса на конструирование европейской идентичности проявляется в характере актуального научного дискурса, транслируется через медиа и продукцию массовой культуры, а также формулируется в системе приоритетов европейцев. Фактически 2010-е гг. стали для ЕС периодом, когда политическая составляющая интеграционных процессов стала выходить на первый план.

Ключевые слова: Европа, Европейский союз, политическая идентичность, политическая культура, нация.

Для цитирования: Колянов А. Ю. Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущение? // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 5. С. 76–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-76-87

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.05.2019; принята после рецензирования 17.10.2019; опубликована онлайн 25.11.2019

© Колянов А. Ю., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

European Identity Today: Thought or Feeling?

Alexey Yu. Kolianov✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉kolianov@gmail.com

Introduction. The paper analyzes the strategies for the formation of European identity. The author examines how identity was conceptualized in political science through the history of the development of the concepts of nation and community. The constructivist interpretation of the nation as an “imaginary community” and the understanding of identity as a direct holistic understanding of oneself as a unique unit of the national political culture in relation to the rest of the world today form the basis of the political direction of European integration.

Methodology and sources. In conducting the study, a comparative historical method, an analysis of sources (official documents, scientific and journalistic texts), a discourse analysis, and also data from opinion polls were used.

Results and discussion. Political crises of the last two decades have shown that the dominant theories of European integration in the last century, focused on economic aspects, are not always able to give adequate answers to the political challenges of our time, which sometimes puts the construction of a united Europe in a precarious position. The question of what makes Europe common remains open and no less, and perhaps even more relevant than before. The political essence of united Europe remains abstract and is not fully understood by Europeans as the subjective component of an individual political culture. In this paper, an attempt is made to trace the transformation of a request for political identity. Promising for the sociocultural development of European identity and the formation of a collective sense of self is a guide to the deliberative activities of the population and elites to determine the vector of political integration. A constructivist approach in this direction allows us to make positive forecasts for relations between the EU and Russia.

Conclusion. The obviousness of the ideological request for the construction of a European identity is manifested in the nature of current scientific discourse, broadcast through the media and mass culture products, and is also formulated in the system of priorities of Europeans. In fact, the 2010-ies became for the EU a period when the political component of integration processes began to come to the fore.

Key words: Europe, European Union, political identity, political culture, nation.

For citation: Kolianov A. Yu. European Identity Today: Thought or Feeling? DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 5, pp. 76–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-76-87 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.05.2019; adopted after review 17.10.2019; published online 25.11.2019

Введение. Кризисы последних десяти лет стали для Европейского союза серьезным испытанием на прочность, однако, несмотря на политические разногласия, экономические проблемы и структурные потери, проект объединенной Европы устоял. Вместе с тем последствия тяжелого экономического кризиса 2008 г. и дальнейших экономических напряжений в еврозоне до сих пор ощутимы в снижении уровня потребления населения даже в странах Европы с высоким уровнем жизни. Провал референдумов по общеевропейской конституции показал неготовность взаимодействовать в едином правовом пространстве. Кризис на Украине и миграционный кризис 2015 г. обострили политические противоречия

между европейскими государствами и привели к росту националистических настроений и популистской риторики, что позволило правым политическим силам победить на выборах разных уровней и занять доминирующие позиции, особенно в странах Восточной Европы. Наконец, итоги референдума в Великобритании по вопросу о членстве Соединенного Королевства в Европейском союзе и последовавшая за ними процедура намеченного на 2019 г. формального выхода страны из состава ЕС для многих стали сигналом возможного начала грядущих изменений в единой европейской политической структуре. Может показаться удивительным, но вплоть до настоящего времени уникальный даже по меркам XXI в. политический проект формировался исключительно на экономических основаниях и не обрел внятной идейной опоры.

Изменения, произошедшие в Европейском союзе во втором десятилетии XXI в., особенно обострили необходимость постановки важных научных и практических задач, связанных с осмыслением будущего европейского проекта. Если ранее исследования фокусировались в основном на выявлении успешности правых или левых предпочтений электората, то сегодня главной практической задачей можно считать потребность европейских политиков вовлекать граждан в процесс конструирования общей идентичности. От эффективности этого процесса зависит целостность Евросоюза как политического проекта на фоне снижения интереса населения к отождествлению себя с европейской общностью. Ключевой научной проблемой можно считать один из наиболее существенных факторов, оказывающих влияние на нестабильное положение единой европейской конструкции, все чаще признается отсутствующее или туманное и с трудом поддающееся описанию представление о европейской идентичности. Вопрос, что делает Европу общей, остается открытым и не менее, а, возможно, и более актуальным, чем в докризисный период.

Возникший из европейского экономического сообщества, Европейский союз функционально продолжает оставаться экономическим объединением в то время, как его политическая целостность осознается и декларируется в основном лишь на уровне элит. Данные «Евробарометра» за апрель 2019 г. свидетельствуют о том, что упоминание Европейского союза вызывает сомнения у трети опрошенного населения государств-участников, а в некоторых странах доля сомневающихся доходит до половины [1]. Политическая сущность единой Европы остается абстрактной и не до конца понимается европейцами как субъективная составляющая индивидуальной политической культуры. Объективно эти проблемы и задачи требуют междисциплинарного подхода и привлечения научного арсенала специалистов в различных областях политической науки и международных отношений.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать актуальные и значимые для момента проведения исследования предпосылки формирования «европейской идентичности», а также идеологическое направление конструирования данного концепта.

Методология и источники. Научный интерес к проблеме политической идентичности возник сравнительно недавно. Рост числа публикаций по данной теме приходится как раз на первые два десятилетия XXI в., что, очевидно, связано с необходимостью анализа и прогнозирования политических эффектов глобализации, ведущей к институционализации международных и межгосударственных политических структур. Существенную роль в этих процессах сыграли исторические события конца прошлого века, связанные с распадом политических систем социалистических стран и началом нового этапа европейской интеграции. В дальнейшем актуальность вопроса о европейской политиче-

ской идентификации возрастала в связи со вступлением в Европейский союз новых государств, граждане которых не всегда ощущали статус «европейцев» как что-то исторически привычное и само собой разумеющееся.

С начала европейского строительства в середине прошлого века интеграционный процесс последовательно разворачивался как в политическом, так и в экономическом направлении. Еще в марте 1946 г. в своей знаменитой фултонской речи Уинстон Черчилль отмечал, что для обеспечения безопасности в мире требуется новое европейское единство, а уже через полгода, выступая в Цюрихе, Черчилль заявил о необходимости создания Соединенных Штатов Европы и Совета Европы. Такой союз должен был выполнять в основном политические задачи, среди которых в том числе необходимость симметричной реакции на деятельность Советского Союза в Восточной Европе. Примечательно, что в 1948 г. американский сенатор Джеймс Фулбрайт, говоря в своей статье об идеях британского премьера, выделил семь препятствующих объединению европейских стран обстоятельств, в числе которых были названы обостренные вследствие прошлых конфликтов чувство национальной идентичности и патриотизм у европейцев, страх перед усилением Германии и идеологической экспансией СССР, а также языковые, культурные, религиозные и политические различия европейских народов. Однако главным обстоятельством, затмевающим все остальные, Фулбрайт назвал «припрятанные на будущее списки неотмщенных жертв, которые европейские страны в любой момент готовы предъявить друг другу» [2, с. 154–155]. Некоторые задачи и обстоятельства, препятствующие европейской интеграции в политическом направлении, актуальны до сих пор.

Экономический вектор европейского объединения был задан «отцами-основателями» Европейского союза основанием Европейского объединения угля и стали, в основу которого легли идеи французских политиков Жана Монне и Робера Шумана, а также созданием Европейского экономического сообщества после подписания в 1957 г. европейскими политиками (Конардом Аденауэром, Жозефом Беком, Полем-Анри Спааком и др.) Римского договора.

В дальнейшем, исходя из различия взглядов на фундаментальные основы объединения Европы в научном дискурсе, выделилось несколько теорий европейской интеграции. Изначально соперничавшие между собой концепции федерализма и функционализма основывались соответственно на приоритете политических или экономических целей интеграции. Если федерализм ссылался в первую очередь на необходимость обеспечения безопасности, функционализм видел решение этой задачи как результат экономического сотрудничества. С опорой на принцип невозможности развязывания войны без обладания монополией на производство угля и стали в европейском пространстве был обеспечен мир, а экономические приоритеты, в особенности создание общеевропейских экономических институтов, стали доминировать в концептуализации политической интеграции. Уже начиная с 1960-х гг., ведущей теорией европейской интеграции становится неофункционализм, разработкой которого занимались американские ученые во главе с Эрнстом Бернардом Хаасом. Развивая идеи функционализма о необходимости общих экономических институтов (свободной торговли и единого рынка), что впоследствии приведет к интеграции политической (наднационального правительства), неофункционализм изначально предполагал интеграцию на региональном и секторальном уровнях. В результате так называемого эффекта «перетекания» за счет регионального экономического взаимодействия или «регионостроительства» усиливается взаимозависимость государств, что приводит к необходимости построения общих политических институтов и в целом обеспечивает политическую интеграцию. Вместе с ней формируется и

политическая идентичность, поскольку, по мнению неофункционалистов, регионы, как и нации-государства, также являются воображаемыми сообществами.

Влияние неофункционализма, концептуализировавшего успехи Европы на уровне региональной интеграции, было весьма длительным: эта теория получила конкурента только в 1990-е гг. Им стал интерговерментализм, или межправительственный подход, известный в двух видах – либеральном и классическом. В отличие от неофункционализма, интерговерментализм делал акцент на роли отдельных национальных государств, особенно активно проявляющих себя в интеграционных процессах. Политической предпосылкой экономической и социокультурной интеграции являются действия национальных лидеров и политических элит, о чем изначально писал главный идеолог интерговерментализма Эндрю Моравчик [3]. Современные исследования также показывают, что именно эти социальные и политические группы чаще всего являются главными бенефициарами европейского проекта.

Таким образом, ключевые теории европейской интеграции либо чрезмерно сосредоточились на экономическом аспекте объединения, либо не учитывали ментальные особенности населения, сосредоточившись на движущей роли элит. В итоге потенциала этих теорий оказалось недостаточно для того, чтобы предвидеть дезинтеграционные процессы и необходимость уделить больше внимания политическому аспекту интеграции, что привело к появлению постфункционализма, способствовавшего изучению европейской идентичности в научном дискурсе [4].

Фундаментальное осмысление идентичности в политической науке уходит своими корнями в историю развития таких сложных и неоднозначных понятий как «нация» и «общность». Латинское слово «*natio*» в Древнем Риме использовалось в юридическом контексте и означало иноплеменников или другие группы по отношению к гражданам. В течение последующих веков вплоть до конца эпохи Просвещения и Французской революции под нацией в довольно примерной трактовке понимали часть общества, обладающую правом по сложившейся традиции выбирать монарха (примерами могут быть польская шляхта или французское «третье сословие»), т. е. некую политическую корпорацию. С конца XVIII в. концепт «нация» развивался в том числе в контексте экстраполяции возможности политического участия на всех граждан государства. В связи с этим возникала необходимость конструирования и распространения у граждан представления о единой политической общности – нации, объединяющей людей разных этносов, культур и даже языков.

Одним из наиболее распространенных на сегодняшний день подходов к пониманию нации является конструктивистская интерпретация этого понятия как «воображаемой общности». В XX в. конструктивный потенциал национального строительства был впервые опробован в контексте тоталитарных идеологий. И даже несмотря на распад этих «проектов», национально-политическое единство общества рассматривается как прочнейший скрепляющий элемент, на котором сегодня балансируют политические структуры.

В современной науке понятие «идентичность» возникло сравнительно недавно. В психологии первым на идентичность обратил внимание в 1950-е гг. Эрик Эриксон, а в общественных науках этот термин начал использоваться в 1980–1990-е гг. в связи с культурной политикой этого времени. Эриксон описывал не только персональную идентичность как тождественность человека самому себе, но и вслед за Фрейдом анализировал значение групповой идентичности, которая понималась и в негативном смысле как точка соотнесения одной группы с другой, и в позитивном – как идентичность «сплоченного большин-

ства» [5, с. 31]. Понятие «идентичность» сегодня трактуется очень широко и разнообразно: в одних случаях она имеет отношение только к социальным категориям или ролям, в других — к фундаментальной личной информации (как в ситуации «кражи личности/идентичности»). В таком контексте идентичности существовали всегда.

О значимости проблемы изучения идентичности и ее кризисов свидетельствуют отдельные работы ведущих мировых ученых в области политической философии и науки: М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, Р. Дарендорфа, Ф. Фукуямы и др. В продолжение этих научных изысканий отечественные ученые подтверждают важность изучения этой проблемы. В целом в современной политической реальности это объясняется тем, что кризисы идентичностей, свойственные человеку сегодня и фиксируемые современными исследованиями, становятся отправной точкой для развития и функционирования многих политических массовых движений и предложений на политическом рынке, провоцируя последующий рост популизма и радикализма [6].

С. Хантингтон в известной работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» характеризует феномен идентичности как крайне неопределенный и изменчивый. Хантингтон пишет, что «ощущение национальной идентичности, безусловно, может нарастать и ослабевать под влиянием внешней угрозы, а вот сущность этой идентичности подвержена колебаниям в значительно меньшей степени; она формируется гораздо медленнее, нежели отличительные особенности того или иного народа, складывается из многочисленных, зачастую конфликтующих между собой социальных, экономических и политических трендов» [7, с. 30].

Работа американского исследователя прозвучала в контексте международного политического ландшафта после трагедии 11 сентября 2001 г. и очевидным образом акцентировала особенности американской национальной идентичности как опирающейся на религиозно-патриотический фундамент, что особенно заметно в критические моменты. Однако после мировых трагедий XX в. европейская идентичность уже не выстраивается ни на национальной, ни на религиозной основах. Более того, как объяснял это Ю. Хабермас, Европа вообще не смогла бы выжить после двух мировых войн, если бы европейцы не стали конструировать постнациональную идентичность, по итогам чего возник Европейский союз как первая структура постнациональной демократии. Согласно идее Ю. Хабермаса, трансформация западноевропейского общества из национального сообщества в транснациональное возможна путем движения «от этноса к демосу». Таким образом, реализуется идея конституционного патриотизма, заключающаяся в том, что граждане идентифицируют себя, исходя из конституционных принципов, декларирующих права и свободы, в противовес культурным или этническим [8, с. 216].

Однако именно зыбкость постнациональной основы европейской политической конструкции подчас приводила к негативным настроениям вплоть до масштабной институционализации сопротивления Европе в виде правых политических партий и движений в различных европейских странах. Как утверждал в начале XXI в. Р. Дарендорф, «европейская интеграция больше не воспламеняет воображение европейцев. Еще существуют евроэнтузиасты, но среди народов Европы превалирует безразличие, а в некоторых случаях даже тихая враждебность по отношению к идее европейской общности» [9]. В дальнейшем Ф. Фукуяма объяснял это тем, что «Евросоюз был создан как технократическое средство для достижения экономической эффективности. Сейчас мы ясно видим, что экономиче-

ских и постнациональных ценностей недостаточно для объединения этого сообщества». По мнению американского политолога, «европейская идентичность проблематична, потому что европейский проект был основан на базисе антинациональной идентичности. Он был призван выйти за пределы национального эгоизма и антагонизмов, которые характеризовали политику XX в. в Европе. И, следовательно, существовала вера в то, что будет создана новая универсальная европейская идентичность, которая вытеснит старые итальянские, немецкие или французские идентичности» [10].

С середины 2010-х гг. крупнейшие мировые политические кризисы заставили политических философов задумываться о том, что последний идеологический проект прошлого века в лице либеральной демократии теряет позиции. Идущий в штывы либерализму правый популистский национализм некоторые исследователи отождествляют с ницшеанским рессентиментом и реакцией и отказывают ему в идеологическом оформлении. К важнейшим проблемам последних лет – усилению религиозного фундаментализма вкупе с ростом правого радикализма и национализма – добавилась центробежная активность отдельных государств-членов ЕС. В работе «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия» Ф. Фукуяма пишет, что идентичность формируется на стыке внутреннего «я» индивида и не признающих права и достоинство этого индивида правил и норм внешнего мира. Поскольку на данном конкретном этапе своего развития человечество пришло к пониманию природной и естественной ценности внутреннего «я», а также к осознанию того, что общество может систематически ошибаться и несправедливо оценивать внутреннее «я» индивида, американский политолог делает вывод о необходимости менять само общество. Кроме того, Фукуяма, неоднократно называвший политику идентичности главной угрозой современному либерализму, утверждает, что запрос на самоопределение появляется в ответ на возникшее за полвека глобализации экономическое неравенство, обостряющее у людей чувство унижения. Простой экономической мотивации для политического сплочения оказывается недостаточно, следовательно, для анализа политики идентичности требуется более глубокое понимание психологии поведения человека. Иными словами, пишет Фукуяма, нужна «более качественная теория человеческой души» [11, с. 18–20].

Результаты и обсуждение. Европейская идентичность стала ключевой темой исследований, проводимых под эгидой Еврокомиссии, еще с начала 1990-х гг. Сегодня тема идентичности является одной из наиболее часто затрагиваемых тем среди исследователей европейской интеграции. Это, в частности, связывается с распространением в начале 2000-х в работах философов и социологов концепта «космополитической Европы» как способа переосмыслить и реформировать Европейский союз в духе постнационализма [12]. В этот период формируется распространенная в научных трудах практика моделирования европейской идентичности. В частности, известными являются три модели идентичности, предложенные Томасом Риссе [13]. К ним относятся:

1. «Сквозная» модель, в которой одни и те же характеристики могут разделяться представителями разных групп идентичности.

2. «Вложенная» модель («Матрешка»), обозначающая иерархию идентичностей, когда из регионального или национального самоопределения формируется идентификационное ядро, поверх которого возникает слой европейской идентичности.

3. Модель «мраморного кекса» («marble cake»), в которой возникают переплетения взаимодействия идентичностей, в результате чего происходит «европеизация» нацио-

нальной идентичности, и индивид начинает воспринимать себя европейским французом, испанцем, поляком и т. д.

В современном научном дискурсе политическая идентичность осмысливается как социокультурный конструкт, который подобно прочим коллективным общностям является контекстно-зависимым [14]. Для европейских реалий характерна ситуация, когда благополучные в социальном и материальном отношении группы больше настроены на интеграцию. Традиционно более активные элиты чаще всего рассматривают общую политическую идентичность как инструмент, помогающий пережить кризисные времена. По итогам проведенного Королевским институтом международных отношений («Chatham house») в конце 2016 – начале 2017 гг. в десяти европейских странах социологического исследования «Кланы Европы» («Tribes of Europe») были очерчены несколько групп европейцев: «колеблющиеся европейцы» (Hesitant Europeans) – 36 %, «довольные европейцы» (Contented Europeans) – 23 %, «отвергающие ЕС» (EU Rejecters) – 14 %, «разочарованные проевропейцы» (Frustrated Pro-Europeans) – 9 %, «бунтари-одиночки» (Austerity Rebels) – 9 % и «федералисты» (Federalists) – 8 %. Указанные группы отличаются друг от друга прежде всего характером отношения к ЕС и ожиданиями. При этом было установлено, что наибольшую роль в современной европейской политике играют либо еврооптимистичные элиты, к которым относятся «федералисты» (они, как правило, и являются главными бенефициарами положительных результатов европейской интеграции), либо деструктивно настроенные группы «отвергающих» и «бунтарей», активнее всего проявляющие себя в электоральном поведении [15].

Таким образом, «клановый» расклад показывает, что до политического единства Европейскому сообществу пока далеко, а группы, заинтересованные в дальнейшей интеграции и получающие от нее выгоду, являются меньшинством. Современная Европа действительно представляет собой «Европу разных скоростей», где движение подчас происходит в разные стороны. Поскольку к концу 2010-х точка невозврата пройдена, и Европейский союз стоит перед необходимостью очередного осмысления политического вектора интеграции и институциональных преобразований, целесообразно говорить о перспективах реконфигурации европейского сообщества. Так, Н. Ю. Кавешников озвучил четыре возможных сценария развития [16]:

1. «Меньше Евросоюза». Отказ от идеи сближения и возвращение к единственно главному для Европы – единому рынку. Этот сценарий подразумевает уменьшение внешнего участия ЕС в политике отдельных государств и, скорее всего, останавливает политический вектор интеграции.

2. «Больше Евросоюза». Резкий скачок в сторону максимального политического сближения вплоть до уподобления федерации. Такой вариант предполагает расширение и усиление полномочий наднациональных политических институций ЕС.

3. «Консолидация Евросоюза». Этот сценарий предполагает, что существующие институты и инстанции сохранятся и продолжают работу по принципу «делать меньше, но лучше». Это вполне вероятный сценарий, поскольку не требует от чиновников новых решений и предполагает оптимизацию и тонкую настройку того, что уже есть. Его очевидным минусом является движение по инерции, что довольно опасно в случае возникновения кризисов.

4. «Гибкий Евросоюз». Вариант гибкого развития ЕС включает возможную федерализацию центра и сохранение интеграционных процессов для прочих стран в текущем виде. Таким образом, формируется модель «ядро-периферия», позволяющая гибко

реагировать на вызовы противников. Н. Ю. Кавешников считает данный вариант наиболее оптимальным для России, поскольку он подразумевает развитие сложившихся отношений с крупнейшими европейскими странами.

Таким образом, три из возможных сценариев развития ЕС предполагают формирование компонента политической идентичности, относительно чего можно также делать прогнозы. На наш взгляд, даже негативный сценарий может иметь два направления развития:

1. Распад уже существующих идентичностей и возврат в исходное состояние.
2. Усиление региональных идентичностей на фоне нынешней ситуации, что может способствовать, например, развитию сепаратистских настроений на территориях, где к этому имеются предпосылки (Шотландия, Каталония и др.).

Позитивный сценарий также включает два возможных варианта развития событий:

1. Продолжение формирования европейской идентичности с учетом социокультурных и политических реалий на фоне консолидации ЕС.
2. Возникновение и формирование нового качества политической идентичности.

Можно предположить, что для России будут выгодны оба направления позитивного сценария. Первый предполагает развитие уже существующих отношений, а второй не исключает возможности расширения географии европейской идентичности за счет включения России и Турции. Одним из негативных последствий расщепления политической идентичности может быть использование дезинтеграционных процессов в Европе третьей стороной с целью проведения антироссийской политики.

Заключение. Сегодня вопрос о сущности европейской идентичности продолжает быть актуальным. Очевидность идеологического запроса на конструирование единой европейской нации находит отражение в научном дискурсе и транслируется через медиа и продукцию массовой культуры. О снятии вопроса с повестки дня речь явно не идет, даже несмотря на декларируемую ведущими функционерами ЕС катастрофичность момента, примером чему могут служить слова главы Еврокомиссии Жана-Клода Юнкера о том, что запланированный выход Британии из ЕС является кульминацией континентальной трагедии. В частности, результаты исследований «Евробарометра» показывают, что у молодых европейцев складывается иерархия ключевых направлений сплочения и укрепления Европейского сообщества. Так, весной 2019 г. две трети опрошенных (67 %) среди европейской молодежи называли главным приоритетом ЕС на ближайшие годы защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата. Вторым приоритетом (56 %) одновременно были названы совершенствование образования и борьба с бедностью и социальным неравенством. Около половины опрошенных молодых людей (49 %) считают важным борьбу с безработицей и помощь в трудоустройстве, 44 % назвали приоритетом развитие здравоохранения и рост благосостояния наряду с защитой прав человека и распространением демократии и общих ценностей. Наконец, примерно четверть (28 %) упомянули в качестве приоритета безопасность ЕС и 23 % – содействие в объединении молодых людей из разных частей союза [17]. Экономические вопросы пока являются существенными, политическая сплоченность далеко не на первом месте, но среди представленных выше приоритетов так или иначе доминируют демократические и либеральные ценности.

Вместе с тем вслед за зарубежными специалистами можно констатировать, что научное изучение европейской идентичности находится в начальной стадии своего развития. На текущем этапе исследования идентичности в многоэтажной политической структуре задей-

ствуют уровневые модели, включающие идентификацию индивида с наднациональной или национальной идентичностями и определяющие приоритет между ними [4]. Одновременно с этим междисциплинарное осмысление изучаемого явления концентрируется не столько на абстрактных идеологических конструктах, формируемых извне принудительно, сколько на аспекте непосредственного целостного понимания себя как уникальной единицы национально-политической культуры в отношении к остальному миру, т. е. идентичности. При этом отправными точками для изучения служат как формирование идентичности политическими структурами сверху в форме апелляции к общей культуре и общему прошлому, так и исследование факторов, влияющих на субъективные ощущения людей, определяющих себя как европейцы и потому проявляющих специфические формы политического поведения.

К основным направлениям дальнейших изысканий в области европейской идентичности можно отнести:

1. Дальнейшее моделирование европейской идентичности в социокультурном аспекте.
2. Изучение влияния качественных сторон политики идентичности на эффективность европейской интеграции.
3. Исследование особенностей совещательной деятельности на уровне населения для совместного определения вектора политической интеграции.

По всей видимости, становление европейской идентичности продолжится в конструктивистском ключе, поскольку именно через созидание сторонники европейской интеграции мыслили и продолжают мыслить формирование единой Европы. Французский политик и писательница, убежденная сторонница единой Европы Симона Вейл, скончавшаяся в июне 2017 г., однажды назвала Европу «грандиозным проектом XXI в.». Таким же ярким защитником идеи европейского объединения был и ушедший почти одновременно с госпожой Вейл бывший канцлер Германии Гельмут Коль. Газета Washington Post назвала эти печальные события символом возрождения еврооптимизма, намекая на возможный переход к очередному этапу европейской консолидации. Летом 2018 г. в авторской колонке для немецкого издания Frankfurter Allgemeine ирландский музыкант и общественный деятель Пол Хьюсон, более известный в мире под псевдонимом Боно, так выразил состояние текущего момента: «Европа – это мысль, которая должна стать ощущением» [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. European Parliament, Brussels, 2019. Flash Eurobarometer. Emotions and Political Engagement towards the EU. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2019/emotions-and-political-engagement-towards-the-eu/report/en-flash-2019.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
2. Fulbright J. W. A United States of Europe? // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1948. № 257 (1). P. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271624825700116>.
3. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // JCMS: Journal of Common Market Studies. 1993. № 31 (4). P. 473–524. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x>.
4. Kuhn T. Grand theories of European integration revisited: does identity politics shape the course of European integration? // J. of European Public Policy. 2019. № 26 (8). P. 1213–1230. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1622588>.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. Д. Андреева, А. М. Прихожан, В. И. Ривож, Н. Н. Толстых. М.: Прогресс, 1996.

6. Ачкасов В. А. «Популизм идентичности» в современной Европе // Политика постправды в современном мире: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 22–23 сент. 2017 г. / СПбГУ. СПб., 2017. С. 12–15.

7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004.

8. Habermas J. The Postnational Constellation: Political Essays. Cambridge: MIT Press, 2001.

9. Dahrendorf R. Anti-Americanism and Europe's Identity. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11> (дата обращения: 20.09.2019).

10. Фукуяма Ф. Проблемы европейской идентичности. 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/9047> (дата обращения: 20.09.2019).

11. Fukuyama Y. F. Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition. London: Profile Books, 2018.

12. Kamminga M. R. Cosmopolitan Europe? Cosmopolitan justice against EU-centredness // Ethics & Global Politics. 2017. № 10 (1). P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/16544951.2017.1291566>.

13. Risse-Kappen T. A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. NY.: Cornell Univ. Press, 2010.

14. Mauro D. D., Fiket I. Debating Europe, transforming identities: assessing the impact of deliberative poll treatment on identity // Italian Political Science Rev. 2017. № 47 (3). P. 267–289. DOI: <https://doi.org/10.1017/ipo.2016.26>.

15. Raines T., Goodwin M., Cutts D. Europe's Political Tribes: Exploring the Diversity of Views Across the EU. Chatham House. 2017. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/europes-political-tribes> (дата обращения: 20.09.2019).

16. Кавешников Н. Ю. Четыре сценария европейской интеграции // Российский совет по международным делам. Аналитическая записка. 2016. № 2. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/chetyre-stsenariya-evropeyskoy-integratsii/> (дата обращения: 16.09.2019).

17. EU Open Data Portal. Flash Eurobarometer 478. How do we build a stronger, more united Europe? The views of young people. URL: http://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2224_478_ENG (дата обращения: 20.09.2019).

18. Bono. Europe is a thought that needs to become a feeling. Frankfurter Allgemeine. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/u2-singer-bono-europe-is-a-thought-that-needs-to-become-a-feeling-15758113.html> (дата обращения: 20.09.2019).

Информация об авторе.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, история политических учений, мировая политика, политика Европейского союза. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru

REFERENCES

1. European Parliament, Brussels (2019), *Flash Eurobarometer (Emotions and Political Engagement towards the EU)*, available at: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2019/emotions-and-political-engagement-towards-the-eu/report/en-flash-2019.pdf> (accessed 20.09.2019).

2. Fulbright, J.W. (1948), "A United States of Europe?" *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 257, iss. 1, pp. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271624825700116>.

3. Moravcsik, A. (1993), "Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach", *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 31, iss. 4, pp. 473–524. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x>.
4. Kuhn, T. (2019), "Grand theories of European integration revisited: does identity politics shape the course of European integration?", *Journal of European Public Policy*, vol. 26, iss. 8, pp. 1213–1230. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1622588>.
5. Erikson, E. (1996), *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity youth and crisis], Transl. by Andreev, A.D., Prihozhan, A.M., Rivosch, V.I. and Tolstyh, N.N., Progress, Moscow, Russia.
6. Achkasov, V.A. (2017), "'Populism of Identity' in Modern Europe", *Politika postpravdy v sovremennom mire* [Post-truth politics in the modern world], SPb, Russia, 22–23 sep. 2017, pp. 12–15.
7. Huntington, S.P. (2004), *Who are We? The Challenges to America's National Identity*, Transl. by Bashkirov, A., AST, Moscow, Russia.
8. Habermas, J. (2001), *The Postnational Constellation: Political Essays*, MIT Press, Cambridge, UK.
9. Dahrendorf, R. (2017), *Anti-Americanism and Europe's Identity*, available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11> (accessed 20.09.2019).
10. Fukuyama, Y.F. (2013), *Problemy evropeiskoi identichnosti* [Problems of European Identity], available at: <http://gefter.ru/archive/9047> (accessed 20.09.2019).
11. Fukuyama, Y.F. (2018), *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. Profile Books, London, UK.
12. Kamminga, M.R. (2017), "Cosmopolitan Europe? Cosmopolitan justice against EU-centredness", *Ethics & Global Politics*, vol. 10, iss. 1, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/16544951.2017.1291566>.
13. Risse-Kappen, T. (2010), *A community of Europeans? Transnational identities and public spheres*, Ithaca, Cornell Univ. Press, NY., USA.
14. Mauro, D.D. and Fiket, I. (2017), "Debating Europe, transforming identities: assessing the impact of deliberative poll treatment on identity", *Italian Political Science Review*, vol. 47, iss. 3, pp. 267–289. DOI: <https://doi.org/10.1017/ipo.2016.26>.
15. Raines, T., Goodwin, M. and Cutts, D. (2018), "Europe's Political Tribes: Exploring the Diversity of Views across the EU", available at: <https://www.chathamhouse.org/publication/europes-political-tribes> (accessed 20.09.2019).
16. Kaveshnikov, N. (2016), "Four scenarios of European integration", *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. Analiticheskaja zapiska* [Russian Council on Foreign Affairs. Analytic note] no. 2, available at: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/chetyre-stsenariya-evropeyskoy-integratsii/> (accessed 16.09.2019).
17. European Commission, Brussels (2019), *Flash Eurobarometer 478. How do we build a stronger, more united Europe? The views of young people*, available at: http://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2224_478_ENG (accessed 20.09.2019).
18. Bono (2018), *"U2-Singer Bono: Europe is a thought that needs to become a feeling"*, available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/u2-singer-bono-europe-is-a-thought-that-needs-to-become-a-feeling-15758113.html> (accessed 20.09.2019).

Information about the author.

Alexey Yu. Kolianov – Can. Sci. (Policy) (2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 25 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, history of political doctrine, world politics, politics of the European Union. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru